

И. А. Александров

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ СКОПЦОВ СОГЛАСНО УЛОЖЕНИЮ О НАКАЗАНИЯХ УГОЛОВНЫХ И ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ 1845 ГОДА

Скопцы представляют собой секту, появившуюся в Российской империи во второй половине XVIII века, учение которой, как следует из названия, сопряжено с идеей оскпления. В рамках данной статьи исследуются различные вопросы, связанные с ответственностью последователей скопческого учения согласно статьям Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года, относящимся к отделению второму «О ересях и расколах» главы второй («Об отступлении от веры и постановлений церкви») раздела второго «О преступлениях против веры и о нарушении ограждающих оную постановлений». Следует отметить, что речь в первую очередь идет о первоначальной редакции Уложения 1845 г. Помимо прочего, учитывается факт отнесения скопцов одновременно и к особенно вредным сектам, и к изуверным сектам. Помимо норм, нашедших отражение в данном акте, рассматривается ряд положений других документов, необходимых для более полного освещения изучаемого вопроса. Также внимание уделено толкованию данных предписаний и практике их применения. В частности, используются материалы, касающиеся судебного рассмотрения так называемого дела Кудриных. Отмечаются характерные черты учения секты скопцов, которые, в том числе, позволяют говорить об опасности деятельности этого религиозного объединения для личности, общества и государства.

Ключевые слова: скопцы, изуверная секта, особенно вредная ересь, Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., Российская империя.

Для современного мира весьма важным является вопрос об эффективном противодействии государства тем или иным религиозным (псевдорелигиозным) объединениям, деятельность которых сопряжена с преступными посягательствами на различные общественные отношения. В этой связи представляется актуальным изучить опыт правовой политики в отношении особенно вредных и изуверных сект в Российской империи. Соответственно, целью данной работы является исследование такого рода политики на примере ответственности, которой подлежали члены секты скопцов согласно Уложению о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года. Исходя из сказанного, целесообразно обратиться к ряду статей, содержащихся в отделении втором «О ересях и расколах» главы второй раздела второго данного акта.

Упоминание о скопцах [Буткевич, 1910, 171–203; Реутский, 1872; Скворцов, 1902] можно встретить в статьях 207 и 208 (нумерация приводится согласно первоначальной редакции Уложения 1845 г.). В первой из названных статей был закреплен перечень особенно вредных ересей (неисчерпывающий). В частности, в ней говорилось следующее: «Последователи сект, именуемых духоборцами, иконоборцами, малаканами, иудействующими, *скопцами* (курсив наш — И. А.), а равно и другие принадлежащие к ересям, которые установленным для сего порядком признаны или впоследствии будут признаны особенно вредными, за распространение своей ереси и соращение в оную других, по совершенном изобличении в сем преступлении, подвергаются: лишению всех прав состояния и ссылке из Европейской России в Закавказский край,

---

Илья Андреевич Александров — преподаватель Тольяттинского государственного университета (alexandrovilya88@mail.ru).

из областей Кавказской и Каспийской и из губернии Грузино-Имеретинской в Сибирь, а по Сибири — в отдаленнейшие оной места, для водворения особо от других поселенцев и старожиллов» (Российское законодательство X–XX веков. Т. 6, 1988, 218; Уложение о наказаниях уголовных и исправительных, 1846).

Статья 208 устанавливала ответственность для последователей сект, признанных особенно вредными, а равно для скопцов, которые, скрыв свою принадлежность к такого рода секте, приписывались к городскому сословию в тех местах, «где сие законами им воспрещено». Также наказанию подлежали «те из раскольников вообще» и скопцы, которые, дав при городских или сельских выборах подписку, что не принадлежат ни какому расколу, поступали «в какие-либо по общественным выборам должности» (Российское законодательство X–XX веков. Т. 6, 1988, 218; Уложение о наказаниях уголовных и исправительных, 1846).

Вместе с тем, скопцы причислялись к так называемым «изуверным» сектам, которым была посвящена статья 212 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных. Согласно этой статье те из «раскольников, хотя и неизобличенные в соращении православных, которые принадлежат к ересям, соединенным с свирепым изуверством и фанатическим посягательством на жизнь свою или других, или же с противонравственными гнусными действиями, по совершенном их в том изобличении», должны были подвергнуться наказанию, предусмотренному статьей 207 Уложения. Как следует из текста указанной статьи, наказание предусматривалось за сам факт принадлежности к подобным объединениям, поскольку законодатель полагал, что вступление в такого рода секты влечет за собой, как правило, и приобщение к «изуверской» деятельности (Российское законодательство X–XX веков. Т. 6., 1988, 219; Уложение о наказаниях уголовных и исправительных, 1846). Нужно заметить, что в редакции 1885 г. данная статья Уложения (№ 203 согласно измененнейшей нумерации) была дополнена следующей формулировкой: «Скопцы же, по лишении всех прав состояния, отправляются из всех мест в отдаленный край Восточной Сибири, с поручением их строжайшему надзору тамошнего гражданского начальства» (Уложение о наказаниях уголовных и исправительных, 1892, 194).

Таким образом, скопческое учение упоминалось и в числе особенно вредных ересей, последователи которых несли ответственность за распространение своих учений, и, в то же время, считалось примером ересей, соединенных «со свирепым изуверством» и тому подобным, сама по себе принадлежность к которым служила основанием для наказания. В качестве возможного объяснения этого противоречия предлагалось причислять к изуверным сектам не всех лиц, принадлежавших к скопчеству, а только тех последователей данного учения, которые осклопили себя или других (Уложение о наказаниях уголовных и исправительных, 1892, 186).

Также о деятельности секты скопцов особо говорится в статье 211 Уложения. За осклопление других, «по заблуждению фанатизма, хоть и без употребления насилия», виновные приговаривались к лишению всех прав состояния и к ссылке «в каторжную работу на заводах на время от четырех до шести лет, а буде они по закону не изъяты от наказаний телесных, и к наказанию плетьюми... с наложением клейм». Изобличенные в осклоплении самих себя подвергались лишению всех прав состояния и ссылке в Закавказский край или в Сибирь на поселение (Российское законодательство X–XX веков. Т. 6., 1988, 219; Уложение о наказаниях уголовных и исправительных, 1846). Хотя закон гласил «за осклопление самого себя» (без всяких прибавлений), с учетом контекста, очевидно, речь шла об осклоплении вследствие религиозного фанатизма. При отсутствии религиозной цели или намерения уклониться от воинской повинности такое членовредительство не влекло ответственности (например, для певца, желающего сохранить высокий голос) [Колоколов, 1895, 275].

В дореволюционной литературе мы можем встретить ряд суждений, касающихся особенностей квалификации данных преступных деяний. В частности, для наличия состава преступления, выражающегося в осклоплении других лиц, не требовалось, чтобы повреждение половых органов достигало предполагаемой цели, т. е. лишения

способности к половому совокуплению и к воспроизведению потомства. Было достаточно факта повреждения чужих половых органов по «заблуждению фанатизма». Поэтому по поводу осклоплений женщин указывалось: «не нужно непременно вырезывание яичника, а достаточно обрезания больших или малых губ» [Белогриц-Котляревский, 1904, 501]. Но как покушение на совершение данного преступления расценивались «приступ к операции», совершение с указанной целью незначительных повреждений или вообще внешних действий (на соответствующих органах), не доведенных до конца [Белогриц-Котляревский, 1904, 501].

Приведенное толкование момента окончания рассматриваемого преступления связывалось с природой осклопления, согласно которой соответствующие действия должны состоять в более или менее серьезном повреждении половых органов; лишение же способности к совокуплению есть цель, достижения которой, по общему правилу, не требовалось. В этой связи упоминаются случаи повторного осклопления и разграничение скопцов по степени членовредительства на две категории: скопцы «малой печати» (будучи лишены мощонки, сохраняли возможность полового совокупления) и скопцы «большой печати» (лишенные соответствующей способности в связи с «отнятием у них самого ствола детородного члена»). При этом разъяснялось, что совершение кем-либо над скопцом «малой печати» членовредительства «большой печати» являлось новым актом осклопления, который дополнял предыдущий и подпадал под действие вышеприведенной статьи Уложения [Белогриц-Котляревский, 1904, 502].

При изучении статей Уложения 1845 г., касающихся скопцов, можно столкнуться с некоторым противоречием, на которое обратил внимание дореволюционный автор А. В. Лохвицкий. С одной стороны, скопцы не могут существовать, скопчество есть преступление, за которое положено уголовное наказание, а с другой, «видно, что скопцы живут спокойно во внутренних губерниях, пользуются гражданскими правами, но не могут вступать в выборные должности и приписываться в некоторых городах» (см. статью 208). Указанный автор разъяснял этот вопрос следующим образом: «правительство, после изменения взгляда на скопчество, определило сылать в Сибирь скопцов, но только новых, а тех, которые во время терпимости их учения были обнаружены и оставлены на местах жительства, естественно нельзя было подвергать наказаниям. Таким образом, одни статьи Уложения имеют в виду старых скопцов, получивших особые паспорта, а другие новых». Также отмечается, что постановление осылке «новых» скопцов в Восточную Сибирь никогда не исполнялось строго. «Иначе, как объяснить, что по официальным статистическим отчетам значится более 7000 известных правительству скопцов, когда от прежних могло остаться в живых, может быть, не более нескольких десятков?» [Лохвицкий, 1867, 301].

Что касается «старых» скопцов и «времен терпимости», то речь идет об определенном периоде царствования императора Александра I. Программа, которой Александр I руководствовался по отношению к старообрядчеству и сектантству до двадцатых годов XIX в., может быть выражена следующим образом: «общее правило принятое Мною на заблуждение сего рода (в частности, имелась в виду секта духоборов — И. А.)... состоит в том, чтобы, не делая насилия совести и не входя в розыскание внутреннего исповедания веры, не допускать однако же никаких внешних оказательств отступления от Церкви и строго воспрещать всякие в сем соблазны не в виде ереси, но как нарушение общего благочиния и порядка» [Обзор мероприятий Министерства внутренних дел по расколу с 1802 по 1881 год, 1903, 45]. Хотя при Александре I первоначально предписывалось отдавать скопцов в солдаты, позднее вышел указ, предполагавший отнюдь не преследовать скопцов, которые чистосердечно признаются, где они были осклоплены. Как отмечается, этот закон «оказал большую услугу скопцам, они чистосердечно сознались, что осклопили себя сами и были оставлены в покое» [Обзор мероприятий Министерства внутренних дел по расколу с 1802 по 1881 год, 1903, 45, 47]. Впрочем, нормативные акты, касающиеся скопцов, в царствование Александра I довольно часто подвергались изменениям. В целом, характер правительственных распоряжений «по расколу» в конце царствования императора Александра I

указывает, с точки зрения исследователей, на отсутствие всякой связи с теми, которые издавались в начале его царствования. Соответственно, в двадцатых годах правления Александра I наметился поворот к преследованию старообрядцев и сектантов (в том числе, скопцов).

Переходя к вопросу о практике применения вышеприведенных правовых норм, в качестве примера можно привести судебное рассмотрение в Москве в 1871 г. так называемого «дела Кудриных» (первый публичный процесс над скопцами). Следует отметить, что в ходе данного процесса сущность учения скопцов, с точки зрения экспертов, характеризовалась как состоящая в искажении христианского учения об искуплении и в отрицании основанной Иисусом Христом Церкви, хотя наружно они принимали таинства и обряды Церкви. Христом Искупителем они признавали основателя своей ереси Селиванова, совершившего «будто бы искупление чрез оскотление». При этом Селиванова скопцы отождествляли с императором Петром III, торжественного пришествия которого и воцарения они постоянно ожидали (на этом основании предполагалось, что скопцы притворно признают законность существующих властей). С другой стороны, один из защитников подсудимых высказывал следующее мнение по поводу политических представлений скопцов: «Скопческая ересь существует у нас целое столетие; за это время в нашем отечестве были кой-какие политические движения: но вспомните, принимали ли в нем участие раскольники и в особенности скопцы. Вам вероятно известно, что многие агитаторы, живущие за границею, не раз пытались привлечь на свою сторону раскольников, но все их попытки не удались». По поводу проявления политического характера скопчества в веровании, что вышеупомянутый Селиванов еще жив, и что он придет для искупления скопцов и воцарится среди них, также говорилось: «чтобы утверждать это и понимать буквально, надо быть невеждою; я смотрю на это учение так же, как и на ожидание евреями пришествия Мессии; но допустить, чтобы скопцы ожидали телесного пришествия и воцарения Селиванова, — положительно нельзя. Селиванов жил 100 лет тому назад, и ему в настоящее время было бы по крайней мере 150 лет. Для характеристики настоящего дела служат еще заключения экспертов; но к ним надо относиться очень осторожно, так как наука не имеет достаточно данных, чтоб сказать свое мнение о скопчестве; кроме того эксперты — лица духовного ведомства, они смотрят на дело с церковной точки зрения; с точки же зрения православной церкви всякое малейшее уклонение от ее правил — будет дурно» [Процесс Кудриных 1900, 99].

Н. И. Надеждин, автор работы «Исследование о скопческой ереси», которая фигурировала в рамках процесса Кудриных, полагал, что в отношении правительственном самая верная и полная характеристика скопцов содержится в указе Александра I, объявившем их «врагами человечества, развратителями нравственности, нарушителями законов Божьих и гражданских». «Они суть точно враги человечества: ибо оскорбляют человеческую природу изуродованием, следствия которого простираются не на одно тело, но и на душу. Разрушением брака, главного семейного союза, оскотление подрывает первые основания общественной нравственности; и тем более, что чрез производимую им телесную неспособность, разврат сладострастия не укрощается, но напротив, свирепеет и ожесточается до зверской дикости. Невозвратное же погашение всех естественных чувств и стремлений, следующее за оскотлением, соединенное с духом Секты, поставляет Сектаторов в непримиримо-враждебные отношения к существующим условиям общественного союза и гражданского порядка: что сопровождается беспрепятственными нарушениями законов, неприметными только потому, что они совершаются в тайне» [Кельсиев, 1862, 239].

Можно сказать, что оскотление составляло главную черту в учении и жизни скопцов, оно называлось главным противонравственным элементом в скопчестве «как действие противообщественное и противонравственное». Насколько известно, операция оскотления у первых скопцов состояла только в «отнятии семенных ядер или яичек, которые называются у них „удесными близнятами“». Это делалось посредством «отжигания» мошонки раскаленным железом и буквально

соответствовало даваемому такой операции названию «огненного крещения». В дальнейшем утвердился обычай использовать бритву, нож или другое острое орудие, которым отрезалась мошонка после предварительной крепкой перевязки ниткой (тоненькой веревочкой). Позднее для достижения «совершенного бесстрастия и полной чистоты», скопцы стали подвергать себя отнятию «самого ствола, называемого у них “ключом бездны”». Эта операция, орудием для совершения которой могли служить топор или долото, именовалась «полным крещением» или, как уже говорилось, «наложением царской печати». По сведениям Н. И. Надеждина, второй вид оскпления начал распространяться в Петербурге не раньше 1816 года и, с точки зрения так называемых «старых скопцов» («оставшихся при одном отнятии ядер»), являлся «преступным нововведением, получившим начало свое от скопцов Замосковных» [Кельсиев, 1862, 124, 125].

В «Исследовании о скопческой ереси» говорилось, что признаки оскпления женщин встречались у них обычно «на грудях или в самих детородных частях. Первые иногда отрезаются начисто; иногда вырезаются, выжигаются, или вытравливаются на них только сосцы; а иногда все ограничивается вырезкою подгрудных железок, в особенности из-под левой груди. У детородных частей отрезаются клитор, малые губы, а иногда и часть больших губ... Действительно оскпление женщин может быть произведено только вырезкою „яичников“: а эта операция, по крайней трудности исполнения, признается в современной Медицине (речь идет о первой половине XIX в. — И. А.) если не совсем невозможною, то весьма сомнительною» [Кельсиев, 1862, 128]. Оскпление женщин, по уверениям «старых скопцов», также принадлежало к нововведениям, начавшим распространяться в Петербурге в 1816 г. (как и вторичное «полное» оскпление мужчин, будто бы вопреки воле основателя секты Селиванова). Однако данные сведения подвергаются сомнению, поскольку считается, что сам Селиванов подверг себя «полному» оскплению [Кельсиев, 1862, 126, 129].

Актуальность рассмотрения способов оскпления объясняется тем, что первым по своей важности доказательством принадлежности кого-либо к скопчеству считалось его оскпление. В частности, в ходе процесса Кудриных поднимался вопрос о том, могут ли полосы, надрезы и рубцы в области грудей считаться признаком оскпления женщин [Процесс Кудриных, 1900, 109, 110]. Также, по сообщениям Н. И. Надеждина, из донесений местных властей стало известно о существовании особого рода скопцов, называемых «перевертышами». Указывалось, что они «не лишают себя никаких частей тела; но, вероятно еще с детства, перекручивают себе «семенные канатики» или «семенники», к коим привешены ядра, и тем разрывают всякую органическую связь между ними и остальным телом, что препятствует приготовлению в них семени, и оттого, по своим последствиям, вполне соответствует оскплению». Кроме того, называется новая секта, основанная крестьянином Куткиным, дававшая «сильный повод к подозрению», что в ней употреблялось оскпление посредством «прорезывания или прокалывания «семенных канатиков», следствия которого должны быть те же, как и от перекручивания». Впрочем, это подозрение, «распространенное между туземцами в виде несомненной уверенности», не подтвердилось местным врачебным осмотром. Но некие опытные и сведущие медики, о которых упоминает вышеназванный автор, полагали, что если такая операция (несмотря на чрезвычайную сложность в исполнении) будет удачно совершена, то узнать о ней, как и об операции перекручивания, наружным свидетельством не будет возможности [Кельсиев, 1862, 126, 127].

Оценивая значение данных сообщений, следует учитывать то обстоятельство, что, согласно мнению Сената, одна принадлежность к скопческому учению, без его распространения, без соращения в него других и без оскпления себя или других (курсив наш — И. А.) являлась ненаказуемой [Познышев, 1905, 321]. Так, в некоторых источниках сообщается о существовании так называемого новоскопчества или духовного скопчества, приверженцы которого, по-видимому, отрицали фактическое оскпление (по другим сведениям, оскпление предписывалось совершать на склоне лет,

чтобы не подвергаться преследованию за принадлежность к изуверной секте) [Скворцов, 1898, 131–133].

Обсуждая применение государством изложенных предписаний в отношении последователей скопческого учения, а также их толкование, следует согласиться с В. Кельсиевым в том, что «самое страшное обвинение, какое можно взвести на скопцов» — это осклопление детей и насильственное осклопление взрослых. Вместе с тем, этот автор задавался вопросом: являлись ли подобные случаи результатом «изуверного рвения» отдельных лиц или представляли собой общее правило всей секты. В качестве аргументов в пользу первого из изложенных вариантов он приводил соображения некоторых «раскольников», утверждавших, что им было бы оскорбительно, если бы с ними молился человек, приставший к ним из страха или из рабства. Соответственно, с точки зрения скопцов, «едва ли следует скопить маловерного или колеблющегося; невероятно предположить, чтобы не было у них какого-нибудь искуса перед окончательным вступлением в Секту, и как бы могли прочно и тесно держаться их корабли (наименование общин скопцов — *И. А.*), если б в них набирали всех встречаемых и поперечных?» [Кельсиев, 1862, V, VI].

Признавая, что нападение на кого-нибудь, посягательство на чужую личность, насилие всякого рода должны быть предотвращаемы и преследуемы государством, В. Кельсиев высказывал довольно дискуссионное мнение, согласно которому скопцам (как и последователям всех религиозных объединений вообще) следует дать безусловную свободу делать *над собой* (курсив наш — *И. А.*) решительно все что угодно. С этой точки зрения скопцов, а также последователей учений, предполагавших «самоистребление», нельзя остановить ничем, «кроме объявления полной свободы каждому резаться и топиться сколько угодно. Безусловное позволение на самоубийство — неизбежно убьет изуверие. Только преследования и тайна дают возможность существовать» такого рода сектам. Предполагалось, что свобода вероисповедания, соединенная (для «уничтожения зла» следовало использовать проповеди, слушание которых не должно было быть обязательным) с предоставлением иных прав и свобод, если не истребит подобные явления, то, во всяком случае, значительно их ослабит [Кельсиев, 1860, XVII, XXVII].

Обобщая вышесказанное, можно говорить о том, что в рассмотренных положениях проявилось воззрение, согласно которому государство не может допускать распространения учений, «противных всякой нравственности и общественному порядку», хотя бы подобные учения и прикрывались религией. Вместе с тем, следует учитывать высказывавшиеся предложения по совершенствованию положений дореволюционного уголовного законодательства, в частности, касавшихся ответственности последователей так называемых изуверных учений. Таким образом, с учетом дореволюционного опыта государственной политики в отношении скопцов, представляется возможным высказать следующее суждение по вопросам современной конфессиональной политики. По нашему мнению, применительно к религиозным объединениям, подобным секте скопцов, целесообразно вести речь о разумном сочетании мер принуждения (в случае насильственных деяний в отношении других лиц) и убеждения (например, в отношении добровольных деяний человека, совершаемых над самим собой).

Источники и литература

Источники

1. Российское законодательство X–XX веков. Т. 6. (1988) — Российское законодательство X–XX веков. Т. 6. Законодательство первой половины XIX века. М.: Юрид. лит., 1988. 432 с.
2. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных (1846) — Высочайше утвержденное Уложение о наказаниях уголовных и исправительных от 15 августа 1845 г. // Полное

собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XX. Отделение I. СПб., 1846. № 19283.

3. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных (1892) — Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года. Издано Н. С. Таганцевым. 7-е изд., пересмотр. и доп. СПб., 1892. 799 с.

Литература

4. Белогриц-Котляревский (1904) — *Белогриц-Котляревский Л. С.* Учебник русского уголовного права. Общая и особенная части. Киев, 1904. 620 с.

5. Буткевич (1910) — *Буткевич Т. И.* Обзор русских сект и их толков. Харьков, 1910. 626 с.

6. Кельсиев (1860) — *Кельсиев В.* Сборник правительственных сведений о раскольниках. Вып. 1. Лондон, 1860. 269 с.

7. Кельсиев (1862) — *Кельсиев В.* Сборник правительственных сведений о раскольниках. Вып. 3. Лондон, 1862. 392 с.

8. Колоколов (1895) — Уголовное право: Особенная часть. Курс лекций проф. Колоколова. М., 1895. 379 с.

9. Лохвицкий (1867) — *Лохвицкий А.* Курс русского уголовного права. СПб., 1867. 653 с.

10. Обзор мероприятий Министерства внутренних дел по расколу с 1802 по 1881 год (1903) — Обзор мероприятий Министерства внутренних дел по расколу с 1802 по 1881 год. Издание Департамента общих дел. СПб.: Типография Министерства внутренних дел, 1903. 340 с.

11. Познышев (1905) — *Познышев С. В.* Особенная часть русского уголовного права: Сравнительный очерк важнейших отделов особенной части старого и нового Уложений. М., 1905. 414 с.

12. Процесс Кудриных (1900) — Процесс Кудриных с очерком «Скопчество на Руси». М., 1900. 204 с.

13. Реутский (1872) — *Реутский Н. В.* Люди божьи и скопцы. Историческое исследование. М., 1872. 230 с.

14. Скворцов (1898) — *Скворцов В. М.* Деяния 3-го всероссийского миссионерского Съезда в Казани, по вопросам внутренней миссии и расколосектантства. 2-е изд. Киев, 1898. 386 с.

15. Скворцов (1902) — *Скворцов В. М.* Скопчество как секта и обличение ее заблуждений. СПб., 1902. 42 с.

Ilya Alexandrov. The Responsibility of the “Skoptsy” According to the Code of Criminal and Correctional Punishments 1845.

Abstract: The Skoptsy are a sect that appeared in the Russian Empire in the second half of the eighteenth century, the doctrine of which, as the name tells, is associated with the idea of oskopenie (castration). This article deals with different issues related to the responsibility of the followers of this “skopchesky” doctrine in accordance with the articles of the Code of criminal and correctional punishments 1845, which was second part “On heresies and schisms” of Chapter II (“On the departure from the faith and the Church regulations”) of Section II “On crimes against religion and the violation of regulations which defend it”. It should be noted that it is first and foremost about the original wording of the Code of 1845. Among other things, it takes into account that skoptsy are simultaneously attributed to particularly harmful and to bigoted sects. Apart from the regulations reflected in this law, the article deals with propositions of some other documents, which are necessary for a more complete coverage of the studied issue. Also, attention is paid to the interpretation of these regulations and their application. In particular, materials relating to the court trial of so-called the Kudrins’ case are used. In the article the features of the skoptsy’s doctrine are noted, which allow to characterize the activities of this religious association as dangers for personality, society and state.

Keywords: skoptsy, bigoted sect, particularly harmful heresy, Code of criminal and correctional punishments 1845, Russian Empire.

Ilya Andreevich Alexandrov – lecturer at Togliatty State University (alexandrovIlya88@mail.ru).

Sources and References

Sources

1. Rossijskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov. T. 6. (1988) – Rossijskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov. T. 6. Zakonodatel'stvo pervoj poloviny XIX veka [*Russian legislation of X–XX centuries. Vol. 6. Legislation of the first half of the XIX century*]. Moscow, Jurid. lit., 1988. 432 p. (In Russian).

2. Ulozhenie o nakazaniyakh ugovolnykh i ispravitel'nykh (1846) – Vysochayshe utverzhdennoe Ulozhenie o nakazaniyakh ugovolnykh i ispravitel'nykh ot 15 avgusta 1845 g. [*The highly approved Code of criminal and correctional punishments of August 15, 1845*]. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobranie vtoroe*. Vol. XX. Otdelenie I. Saint-Petersburg. 1846. No 19283. (In Russian).

3. Ulozhenie o nakazaniyakh ugovolnykh i ispravitel'nykh (1892) – Ulozhenie o nakazaniyakh ugovolnykh i ispravitel'nykh 1885 goda [*The Code of criminal and correctional punishments 1885*]. Izdano N. S. Tagancevym. 7-e izd., peresmotr. i dop. Saint-Petersburg, 1892. 799 p. (In Russian).

References

4. Belogritys-Kotlyarevskiy (1904) – Belogritys-Kotlyarevskiy L. S. *Uchebnik russkogo ugovolnogo prava. Obshchaya i osobennaya chasti* [*The textbook of Russian criminal law. General and special parts*]. Kiev, 1904. 620 p. (In Russian).

5. Butkevich (1910) – Butkevich T. I. *Obzor russkikh sekt i ih tolkov* [Review of Russian sects and persuasions]. Kharkov, 1910. 626 p. (In Russian).

6. Kel'siev (1860) – Kel'siev V. *Sbornik pravitel'stvennykh svedeniy o raskol'nikakh. Vyp. 1* [*The collection of government information about schismatics. Issue 1*]. London, 1860. 262 p. (In Russian).

7. Kel'siev (1862) – Kel'siev V. *Sbornik pravitel'stvennykh svedeniy o raskol'nikakh. Vyp. 3* [*The collection of government information about schismatics. Issue 3*]. London, 1862. 392 p. (In Russian).

8. Kolokolov (1895) – *Ugolovnoe pravo: Osobennaya chast'* [*Criminal law: Special part*]. Kurs lektsii prof. Kolokolova. Moscow, 1895. 379 p. (In Russian).

9. Lohvitskij (1867) – Lohvitskij A. *Kurs russkogo ugovolnogo prava* [*The course of Russian criminal law*]. Saint-Petersburg, 1867. 653 p. (In Russian).

10. *Obzor meroprijatij Ministerstva vnutrennih del po raskolu s 1802 po 1881 god* (1903) – *Obzor meroprijatij Ministerstva vnutrennih del po raskolu s 1802 po 1881 god. Izdanie Departamenta obshhih del* [Review of the measures of the Ministry of Internal Affairs to the schism from 1802 to 1881. The publication of the Department of General Affairs]. Saint-Petersburg, Tipografija Ministerstva vnutrennih del, 1903. 340 p. (In Russian).

11. Poznyshhev (1905) – Poznyshhev S. V. *Osobennaya chast' russkogo ugovolnogo prava: Sravnitel'nyj ocherk vazhnejshih otdelov osobennoj chasti starogo i novogo Ulozhenij* [*Special part of Russian criminal law: Comparative essay of the most important departments of the special part of the old and new Codes*]. Moscow, 1905. 414 p. (In Russian).

12. Protsess Kudrinykh (1900) – *Protsess Kudrinykh s ocherkom "Skopchestvo na Rusi"* [*Kudrins' process with an essay "Skopchestvo in Russia"*]. Moscow, 1900. 204 p. (In Russian).

13. Reutskij (1872) – Reutskij N. V. *Ljudi bozh'i i skopcy. Istoricheskoe issledovanie* [*People of God, and skoptsy. Historical research*]. Moscow, 1872. 230 p. (In Russian).

14. Skvortsov (1898) — Skvortsov V. M. *Dejanija 3-go vserossijskogo missionerskogo S'ezda v Kazani, po voprosam vnutrennej missii i raskolosektantstva* [Acts of the 3rd All-Russian missionary Congress in Kazan, concerning internal mission and a raskolosektantstvo]. 2-e izd. Kiev, 1898. 386 p. (In Russian).

15. Skvortsov (1902) — Skvortsov V. M. *Skopchestvo kak sekta i obliczenie ee zabluzhdenij* [Skopchestvo as a sect and denunciation of its delusions]. Saint-Petersburg, 1902. 42 p. (In Russian).